



Владимир
Колганов

Призрак Мастера

Владимир Алексеевич Колганов

Призрак Мастера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69400048

SelfPub; 2023

Аннотация

43. Эта книга стала продолжением романа «Лицедеи», где рассказана история постановки спектакля по пьесе малоизвестного писателя – в сюжете нашлось место и сатире, и мелодраме, и детективу. На этот раз писатель, освоив профессию режиссёра, решил поставить фильм по роману Булгакова «Мастер и Маргарита» – об этом вскользь упомянуто в последней главе книги «Лицедеи». Во время съёмок ему является призрак автора «закатного романа» и начинается череда событий, в которых мистика переплетается с реальностью. Фильм получился замечательный, но выйдет ли он на экраны?

Содержание

Глава 1. Простая истина	4
Глава 2. Видение	12
Глава 3. Дело принципа	20
Глава 4. Соперники	25
Глава 5. Происки Тофаны	32
Глава 6. Ультиматум	38
Глава 7. Чудодейственный напиток	43
Глава 8. Прощены!	48
Глава 9. Возвращение Митяя	55
Глава 10. Поиски в потёмках	60
Глава 11. Обольстить короля!	66
Глава 12. Вампирша	73
Глава 13. Заколдованный	79

Владимир Колганов

Призрак Мастера

Глава 1. Простая истина

Бывает так, что утром просыпаешься и вдруг осознаёшь простую истину, даже странно, что не догадался раньше. Нечто подобное произошло и с Глебом после того, как собравшись с силами, словно бы выдавил из себя признание: всё то, чем он занимается в последние годы, уже не приносит прежнего удовлетворения. А это значит, что пора сменить профессию. И вот однажды, стоило только оторвать голову от подушки, Глеба осенило: почему бы не заняться кинорежиссурой? Хороший сценарий он может написать, однако в итоге из него соорудят какую-нибудь халтуру на потребу публике. Совсем другое, если один в двух ипостасях: и сценарист, и режиссёр. Толчком к этому решению стал разговор с Водопоевым – познакомились, когда пришлось выручать Алину из беды. Чтобы как-то отблагодарить его за помощь, пригласил в ресторан, и вот там за рюмкой коньяка зашёл разговор о судьбе писателя. Глеб хоть и опубликовал несколько книг, но мог лишь мечтать о высоких рейтингах продаж, даже после успеха спектакля по его пьесе мало что изменилось.

Водопоев посочувствовал:

– Как ни крути, Глеб, но даже у талантливого писателя в нынешние времена положение аховое! Пишут все, кому не лень, а публикуют только то, что издателю понравилось. Да мало ли что ему в голову втемяшит! Вот и получается, что надо иметь своё издательство, а это денег стоит. Если приплюсовать расходы на рекламу, такое дело окажется под силу только человеку с солидным капиталом.

– И что, других вариантов нет?

– В прежние времена можно было рассчитывать на меценатов. Горький, Луначарский помогали молодым талантам бесплатно, что называется, по доброте душевной, а где теперь таких найдёшь? У каждой влиятельной персоны один интерес – получить солидный куш. Но ведь на издании книг много не заработаешь. Тебе-то издатели сколько платят?

Глеб не хотел выглядеть смешным, а так бы и случилось, если бы озвучил сумму гонорара за опубликованную книгу, поэтому ушёл от прямого ответа на вопрос:

– Ещё когда служил в солидной фирме, кое-что скопил на чёрный день, так что не бедствую.

– Ну, если тебя всё устраивает, тогда нет смысла эту тему обсуждать...

К счастью, не каждый писатель измеряет свой успех деньгами, поэтому Глеб поспешил возразить:

– Да как я могу быть доволен, если мои книги издают крохотным тиражом, а полки магазинов завалены макулатурой?

Не удивительно, что и в кино такая же хренотень, всё потому, что хороших сценариев кот наплакал. С театром вроде бы повезло, удачный получился спектакль по пьесе «После оттепели», но где гарантия, что и дальше так пойдёт?

– Тут либо надо иметь собственный театр, либо дружеские отношения с худруком. Но это маловероятно... Слыхал, против Скороходова, худрука «Театра всех времён», собираются дело возбудить?

– Так ему и надо! Ну а мне что делать?

Водопоев задумался, потом посмотрел на Глеба так, словно бы оценивал его возможности – потянет или нет? Похоже, был вполне удовлетворён тем, что увидел, поэтому и задал вопрос, вроде бы не имеющий прямого отношения к обсуждаемой теме:

– Ты как относишься к авторскому кино? Это когда в одном лице и сценарист, и режиссёр.

– Да в общем, положительно.

– А попробовать не хочешь? Денег на постановку я найду, знаю и толкового администратора, он собаку съел на производстве фильмов. Если что, подскажет, как сделать так, чтобы фильм принёс доход...

Глеб, даже не дослушав Водопоева, замахал руками:

– Нет-нет, я не потяну! Этому ремеслу учиться надо, да и возраст у меня не подходящий. Там же, как на конвейере, адские нагрузки!

– Ради благой цели можно потерпеть, – заметил Водопоев,

а потом, видя, что Глеб мотает головой, выражая несогласие, добавил: – Насколько я понимаю, ты хочешь заняться "просвещением ума и сердца", именно так сформулировал свою задачу один издатель, по убеждениям масон, ещё во времена царствования Екатерины, не помню, уж какой из двух. Вот и собери все свои силы в кулак и иди к желанной цели. А на курсы кинорежиссёров я тебя устрою.

Два года – этого вполне достаточно, чтобы в свободное от учёбы время написать сценарий, так что, получив диплом, можно сразу же к делу приступить, а то и раньше, на стадии дипломного проекта. Проблема в том, чтобы найти такую тему, которая и публике была бы интересна, и позволяла выразить мысли и чувства, переполнявшие сознание и требовавшие выхода в той или иной форме. Взаимоотношения личности и власти – вот о чём хотелось бы снять фильм. И тут Глеба осенило: нет более известного произведения, посвящённого этой теме, чем «закатный роман». Смущало то, что ни одна из прежних экранизаций не удалась в той мере, чтобы соответствовать задаче, которую поставил перед собой Михаил Булгаков. Никаких существенных претензий к создателям этих фильмов Глеб не собирался предъявлять, однако каждый раз после просмотра не мог избавиться от ощущения, что роман гораздо глубже, по крайней мере в том, что касается московских глав.

Наконец, диплом в руках, а в компьютере сценарий фильма с раскадровкой, эскизами и всем, что полагается для то-

го, чтобы считать завершённым подготовительный этап. К этому времени Глеб по совету всё того же Водопоева зарегистрировал фирму по производству кинофильмов, в качестве юридического адреса указав загородный дом своего приятеля – тот не возражал. Как назвать, долго не раздумывал – «Студия-ПУСК», что в свободном переводе означало «просвещение ума и сердца с помощью кинофильмов». Ну и Водопоев не подвёл – нашёл инвестора и как бы в нагрузку к нему несколько человек, которые должны были составить административную группу. Тут не удалось избежать конфликтов, но как без них, если задумал нечто необыкновенное, что другим оказалось не по силам?

Споры начались уже на стадии заключения договора с инвестором. Даниил Аркадьевич Дорогомилов, почётный президент солидного банка хотел получить право на контроль за реализацией проекта, причём мотивы у него были самые благородные:

– Видите ли, Глеб Васильевич, я с давних пор поклонник творчества Булгакова. У меня дома собраны все книги, написанные о нём, картины и рисунки, есть даже японская ваза с его изображением, ну и конечно, фильмы по его произведениям. К примеру, «Собачье сердце» Владимира Бортко я с удовольствием смотрю, а вот «Мастеру и Маргарите» совсем не повезло – ни один фильм не соответствует высочайшему уровню «закатного романа». Вы моя последняя надежда, поэтому прошу: не подведите.

– Я постараюсь, Даниил Аркадьевич.

– Теперь о том, что запишем в наш контракт. Вы отдаёте мне копию фильма для реализации, а я договариваюсь с прокатной фирмой и гарантирую вам 50% прибыли.

– А как же авторские права?

– Не беспокойтесь, эти права останутся за вами, так что можете и сами договариваться с прокатчиками. Но для новичка это дело безнадёжное, а вот у меня есть кое-какие связи.

– Что ж, если так, то я согласен.

– Однако есть ещё одно условие, которое нужно обязательно внести в наш договор. Если что-то из отснятого материала я сочту неприемлемым, тогда вы должны будете всё исправить в соответствии с моими требованиями либо нашему сотрудничеству придёт конец со всеми, как говорится, вытекающими...

Старик закашлялся и потому поспешил закончить разговор, а Глеб так и не стал выяснять, что конкретно он имел в виду, поскольку сам был заинтересован в полном соответствии фильма замыслу Булгакова. Конечно, условия кабальные, но других вариантов просто нет.

Исполнительный продюсер фильма, некто Аристарх Несвятский, не признавался в любви ни к Булгакову, ни к героям его романа, однако все уши прожужжал, пытаясь наставить Глеба на путь истинный:

– Вот эти эпизоды из сценария надо бы убрать, поскольку

у публики уже сложилось своё представление и о романе, и о личности Мастера, словом, обо всём, а вы норовите представить свою интерпретацию, свой взгляд, иной раз слишком сложный для восприятия неподготовленного зрителя. Будьте попроще, тогда гарантирую успех.

Но Глеб был непоколебим, настаивая на своём. К евангельским главам он собирался отнестись со всем почтением, а вот в московских намерен был несколько убавить то, что больше напоминало газетный фельетон, и сделать ставку на более важные линии сюжета. Сошлись в выборе актёров на главные роли: Маргарита – Алина Гурская, Понтий Пилат – Андрей Смольников, Воланд – Виктор Трембицкий. Двое последних превосходно исполняли эти роли в театре, так что им и карты в руки.

К сожалению, Никита Мундштуков не принял предложения сыграть Михаила Берлиоза – счёл, что негоже в его статусе валяться под трамваем, пришлось пригласить Владимира Ильинского. Михаила Зареченского хотели ангажировать на роль Ивана Бездомного, но актёр сослался на контракт с какой-то фирмой: «Подрядился целый год рекламировать пельмени и горчицу. Так что извини, не смогу ничем помочь». Решили доверить эту роль Александру Яценко.

Павел Приветный было дал согласие похудеть на двадцать килограммов, чтобы на экране воплотить образ незабвенного Коровьева, однако категорически воспротивилась супруга – ей такой доходяга в постели ни к чему. А вот Милош

Брозович без раздумий согласился – видимо, потому что не женат. В общем, не без трудностей, но состав исполнителей укомплектовали.

С Мастером возникла незадача совсем иного рода. Глеб подготовил два варианта сценария – один вполне традиционный, а во втором Мастер оставался как бы за кадром, то есть присутствие его ощущалось, он даже произносил какие-то слова, но зритель не должен был увидеть его лица. В качестве аргумента Глеб сослался на пьесу «Александр Пушкин», в которой Булгаков вывел главного героя из состава действующих лиц. Понятно, что это уже крайность, однако выбор актёра на роль Мастера по принципу сходства внешности с Булгаковым ничем не лучше. А уж лепить что-то вроде «компьютерной маски» – это ни в какие ворота не влезает. В итоге Несвятский поддержал второй вариант, видимо, исходя из экономии бюджета. Он же предложил кандидатуру главного оператора, ну а технический персонал и оборудование предоставила фирма, с которой был заключён соответствующий контракт. А дальше только оставалось громогласно, на всю съёмочную площадку прокричать: «Мотор»!

И вот уже съёмки фильма в полном разгаре, а самое сложное Глеб оставил напоследок – некоторые эпизоды требовали длительной подготовки с участием костюмеров, декораторов и других специалистов в своём деле, без которых невозможно создать хороший фильм.

Глава 2. Видение

Всё началось во время съёмок «Великого бала у сатаны». Вдруг где-то на заднем плане появился силуэт, который никак не вписывался в мизансцену.

– Почему посторонние в кадре? – вскричал Глеб.

– Где? – отозвался оператор.

– Да вон там, на заднем плане, у колонны.

– Там только двое голых негров в белых тюрбанах, – в подтверждение своих слов оператор ткнул пальцем в дисплей видеокамеры.

Но Глеб настаивал на своём:

– Ну как же нет? Вон, в пальто и в шляпе...

Что делать, ассистент режиссёра, расталкивая массовку, бросился наводить порядок. Но вскоре вернулся и в смущении развёл руками:

– Нет там никого. Только те, что в ведомости на зарплату.

А пальто никому из них не выдавали, потому как в реквизите на сегодняшний день оно не значитя. Только фраки для актёров и набедренные повязки для актрис.

Такого с Глебом прежде не случалось – вполне могли возникнуть идеи, которые никому другому не пришли бы в голову, но чтобы так, то есть чтобы видеть то, чего никто кроме него не видит, – это уже нечто запредельное.

Что делать? Глеб подозревал второго режиссёра:

– Ладно, общий план доснимайте без меня, а я пойду немного отдохну, – и как бы в оправдание: – Видимо, глаза устали, чёрт-те что мерещится.

Только прилёг на диван в комнате для отдыха, как прибежала Алина, в чём была, то есть в халатике на голое тело:

– Глеб! Что с тобой? Давай смеряю тебе давление...

– Не надо! Всё в порядке.

– Женя говорит, будто ты видишь то, чего на самом деле нет. Может, у тебя галлюцинации?

– Так ведь оператор смотрит через объектив, а я вижу реальную картину.

Подобная логика вряд ли кого-то убедит, но Алина решила подыграть – спорить с болезным ни к чему, только хуже будет:

– В этом нет ничего удивительного. Ты как автор сценария и режиссёр обязан проникнуть в самую суть «закатного романа», потому и видишь то, что другие не в состоянии разглядеть.

У Глеба своё мнение на этот счёт:

– В том-то и дело, что истина доступна только самому Булгакову. А это видение – знак, указание на то, что я так и не сумел разобраться в его замысле, – и дальше, тяжело вздохнув, Глеб как бы подвёл огорчительный итог: – Съёмки придётся остановить.

Алина в ужасе:

– Глеб, это невозможно! Разбирать декорации, массовку

отправлять по домам... Ведь уйма сил потрачена на фейерверки и другие спецэффекты! А потом всё сызнова? Да знаешь ли ты, сколько времени уходит на макияж для этой сцены? А гробы, все эти ходячие скелеты куда девать, за ночь всё растащат. Оркестр в полтора года музыкантов снова приглашать... Неужели ты не понимаешь, что Несвятский тебя с потрохами съест?

Глеб только пожал плечами:

– Если снять этот фильм мне не суждено, пусть так оно и будет. А халтурить не стану, даже если Несвятский подаст на меня в суд, чтобы компенсировать убытки, – потом, видя, что на глаза Алины навернулись слёзы, попытался успокоить: – Есть у меня предчувствие, что к завтрашнему дню найду нужное решение. Скажи всем, чтобы к десяти утра всё было готово.

– Ты уверен?

– Да.

Как правило, озарение случается, когда его совсем не ждёшь, однако в этом случае совсем не так, поскольку слишком многое поставлено на карту. Один день простоя ему простят, а если с поиском решения затянет, через неделю продюсер найдёт другого режиссёра, и тут даже Водопоев не поможет.

Так что же делать – заново перечитать московские главы? Но Глеб их знает почти что наизусть, и маловероятно, что за несколько часов обнаружит то, до чего за полвека булгако-

веды не додумались. В итоге решил прогуляться по тем заповедным уголкам Москвы, которые так или иначе связаны и с романом, и с биографией Булгакова. А начал с дома на Большой Садовой, где располагалась «нехорошая квартира», затем прошёл по Малой Бронной мимо Патриаршего пруда, и вот уже, миновав Никитский бульвар, добрался до Арбатской площади.

Налево – улица, ведущая к Кремлю, а справа – Арбат, по нему ездил «великий вождь» в сопровождении эскорта, направляясь в сторону «ближней дачи», что недалеко от Кунцево. Не странно ли, что здесь пересеклись пути генсека и персонажей из шайки Воланда? О том, что есть что-то общее между Сталиным и Воландом, уже давно писали, а если так, тогда нельзя сводить содержание московских глав романа к истории взаимоотношений Мастера и Маргариты на фоне событий, словно бы позаимствованных из анекдота. Нет, всё гораздо глубже! Но где, в какой главе писатель дал хотя бы крохотный намёк на то, как относился Булгаков к действующей власти?

Первый вопрос, на который следует найти ответ: когда Воланд прибыл в Москву? Судя по тому, что «балычок особенный» Арчибальд Арчибальдович «у архитекторского съезда оторвал», события происходят в 1937 году, когда состоялся Первый Всесоюзный съезд архитекторов. Эту догадку косвенно подтверждает и упоминание «Дома Драмлита», фасад которого отделан чёрным мрамором, а ведь роскошный Дом

писателей в Лаврушинском переулке был построен в том же году. Чего уж больше, если всё предельно ясно?

Впрочем, ясно лишь то, что где-то в романе должно быть выражено отношение Булгакова к репрессиям тех лет, причём Булгаков должен был всё сделать так, чтобы никто или почти никто не догадался. Понятно, что ввести в состав персонажей палачей из НКВД, а тем более упомянуть имена жертв сталинского террора он не мог – даже в романе, который пишется буквально «в стол», только самоубийца на такое легкомыслие способен.

Пришлось Глебу покопаться в интернете. И вот уже ближе к вечеру кое-что нашёл – некий то ли блогер, то ли мало кому известный писатель высказал предположение, что под личиной графа Роберта скрывается Роберт Эйдеман, соратник Тухачевского, за что и пострадал. На роль императора Рудольфа претендует комендант Кремля, Рудольф Петерсон, тоже зачисленный в число заговорщиков. Яков Агранов, начальник отдела НКВД, «специалист по интеллигенции», причастный к гибели экономистов Николая Кондратьева и Александра Чаянова, в 1938-м был объявлен «врагом народа» и расстрелян. Ну чем не господин Жак? Ещё один персонаж – Гай Кесарь Калигула. По мнению блогера, он чем-то смахивает на Марка Исаевича Гая, начальника Особого отдела НКВД, расстрелянного в 1937-м.

Что же получается? На этом балу всё перемешалось – убийцы с жертвами, черти с мертвецами, погибшие от яда

с отравителями, так что в итоге невозможно разобрать, кто в чём и кто более других виновен. И самое главное – все гости мерзкие и отвратительные, за исключением разве что несчастной Фриды. Глеб понял, что нашёл разгадку, то есть расшифровал тайное значение главы «Великий бал у сатаны» вовсе не он, а вот причина появления призрака Булгакова по время съёмки теперь не вызывает никаких сомнений.

Единственное, что непонятно, это появление на балу барона Майгеля. Он-то здесь причём? У блогера есть собственное мнение. Прежде всего он обратил внимание на то, что барон, судя по словам Воланда, не только «наушник», но «шпион». Далее известно, что, узнав о приезде Воланда в Москву, он предложил «свои услуги по специальности». А на балу «гостя буквально шатало от волнения», то есть он страшно боялся, видимо, догадывался, что его ждёт, и, судя по всему, был готов признаться во всём, в чём бы его ни обвинили. И наконец – барон казнён после полуночи.

А между тем, Михаил Тухачевский, бывший офицер царской армии, переметнувшийся на сторону большевиков, в мае 1937 года был арестован и через два дня признался в шпионаже, измене Родине и подготовке террористических актов. Через три недели состоялось заседание суда и той же ночью Тухачевский был расстрелян. Тут самое время припомнить слова Воланда, сказанные перед казнью Майгеля: «Есть предположение, что это приведет вас к печальному концу не далее, чем через месяц». Три недели – это и есть

«не далее, чем через месяц», и даже время смерти примерно совпадает. Всё сходится, Майгель – это Тухачевский. И тут уже не так важно созвучие слов Майгель, Мигель, Майкл – более ясного указания на Михаила Тухачевского Булгаков дать не мог, при всём желании. Впрочем, есть ещё одно: «А, милейший барон Майгель, – приветливо улыбаясь, обратился Воланд к гостю, у которого глаза вылезали на лоб...» Надо ли напоминать, что у Тухачевского глаза были несколько навывкате, поскольку он страдал базедовой болезнью?

И вот уже кровь брызнула из груди барона Майгеля, заливая рубашку и жилет: «Коровьев подставил чашу под бьющую струю и передал наполнившуюся чашу Воланду. Безжизненное тело барона в это время уже было на полу. – Я пью ваше здоровье, господа, – негромко сказал Воланд и, подняв чашу, прикоснулся к ней губами. Тогда произошла метаморфоза. Исчезла заплатанная рубаха и стоптанные туфли. Воланд оказался в какой-то черной хламиде со стальной шпагой на бедре». Если чёрную хламиду заменить на китель «вождя народов», ничего, по сути, не изменится.

Мысленно поблагодарив Булгакова и блогера за подсказку, Глеб набрал номер второго режиссёра. Та сразу с ахами и охами:

– Глеб Васильевич, как ваше здоровье?

– Прекрасно, лучше не бывает! А теперь, Нина Павловна, возьмите лист бумаги и карандаш. Пишите: китель наподобие того, что носил Иосиф Сталин, затем пять комплектов

формы, которую носили высшие чины Красной армии в конце тридцатых годов, и столько же тюремных роб. Чтоб завтра утром всё было в костюмерной.

– Боюсь, что так быстро не найдём.

– Наверняка, на Мосфильме это есть.

– Так они и пальцем не шевельнут без команды сверху.

– Ладно, я вам позже перезвоню.

Тут же связался с Водопоевым, тот вошёл в положение и обещал всё устроить. После того, как отчитался о проделанной работе, Глеб снова позвонил Нине Павловне:

– Всё, я договорился.

А она никак не успокоится, опять вопросы задаёт:

– Позвольте спросить, для чего всё это?

– Китель предназначен для Воланда, а военная форма и тюремные роботы – для актёров, исполняющих роли барона Майгеля, графа Роберта, императора Рудольфа, господина Жака и Гая Кесаря Калигулы. Остальные пусть останутся во фраках, ну а дамы, как и у Булгакова, пусть будут почти голые.

Глава 3. Дело принципа

Среди ночи Глеба разбудил какой-то странный звук, то ли мышь скребётся, то ли тараканы снова завелись. Наконец, сообразил, что хотят его разбудить, но громко закричать, растормошить или кастрюлю на пол уронить почему-то не решаются. «Кто бы это мог быть?»

Когда Глеб открыл глаза, увиденному ничуть не удивился, словно бы предстояло продолжить разговор, который начал ещё накануне вечером, когда мысленно пытался убедить себя в том, что нашёл единственно верное решение.

Булгаков сидел на стуле, всё в том же пальто, даже шляпу не снял, будто зашёл только на минутку, чтобы о здоровье справиться. Сразу же последовал вопрос:

– Как ты догадался?

– Да вот один писатель, из непризнанных, помог.

– Передай ему: я в восхищении! Сколько времени прошло, литературоведы чешут репу, а никому и в голову это не пришло. Я тут имел возможность прочитать рукопись одного графомана, называется «Тайнопись Булгакова». Ты только посмотри, какую ахиною написал, пытаюсь угадать прототипов персонажей повести «Собачье сердце»: кухарка Дарья Петровна Иванова – это не кто иной, как Дзержинский, машинистка Зинаида Бунина – это Зиновьев-Апфельбаум, а чучело совы со стеклянными глазами изображает Круп-

скую... Это же до того мозги у писаки набекрень, что только диву даёшься! – Булгаков криво усмехнулся, демонстрируя своё отношение к околотитературной братии, и снова посерьёзнул: – А что касается признания, так это не всегда от читателей зависит. Вот и меня провозгласили гением только после смерти. Так уж устроена была наша власть, да и у вас наверняка не лучше.

– Жить можно, хотя, как и у каждого интеллектуала, есть вопросы к властям предрержащим.

– Ну как без этого?.. А не боишься?

– Так у нас мораторий на смертную казнь. Хотя от тюрьмы, да от сумы...

– Да, все под богом ходим. Я вот что ещё хочу тебе сказать. Ты не удивляйся, если опять увидишь мой силуэт ещё в какой-то мизансцене. Это значит, что-то делаешь не так. Хорошо, если сам найдёшь ошибку, а если нет? Вот я придду ночью и подскажу, для хорошего писателя мне ничего не жалко.

– Куда же мне до вас?

– Не прибедняйся! Сколько раз пытались экранизировать мой роман, и только ты на правильном пути.

– Так ведь не без вашей помощи.

– Всё потому, что верю: у тебя получится!

На следующий день Глеб взялся за работу, ощущая небывалый прилив сил. Это было очень кстати, поскольку и оператор, и продюсер встретили нововведения в штыки. Осо-

бенно усердствовал Несвятский:

– Ну как можно так исказить знаменитый роман? Ведь Булгаков всё разложил по полочкам, описал, кто в чём, а кто без ничего. Нет, я против того, чтобы изменять сценарий, – и подытожил: – Народ нас не поймёт!

У Жени Забродина, главного оператора, свои резоны:

– Военная форма – это ещё куда ни шло. Но тюремные робы... Мы же снимаем бал, а не прогулку зэков во дворе следственного изолятора!

Понятно, что Глеб не мог сослаться на мнение Булгакова, поэтому пришлось отбиваться самому, не выбирая выражений:

– А голые бабы тебя не смущают? Сплошь белые зады, за исключением двух негров.

– Ну ты и сравнил! – не унимался Забродин. – Красивое тело впишется в любой кадр, а вот под этих в робах надо переделать декорации.

Глеб задумался: «Возможно, он и прав. Всё слишком нарочито».

– А что, если сделать так? Каждый из этих пятерых приходит на бал в форме командарма Красной армии, но после того, как Воланд обратился со словами приветствия к барону Майгелю, военные мундиры всех пятерых превращаются в тюремные робы, а вслед за бароном погибают и остальные. В этот момент меняется одеяние Воланда – на нём уже не заплатанная сорочка, а китель и галифе, точно такие, какие

носил Иосиф Сталин.

Забродину понравилось:

– Годится! Но во время монтажа придётся изрядно попотеть. Можно синтезировать изображение в компьютере, накладывать одно на другое, а ещё лучше применить наплыв. Думаю, что ребята справятся.

Тут вмешалась Нина Павловна:

– Пойдите, пойдите! Я не понимаю, зачем нам эти сложности, зачем всё так разжёвывать? В любом произведении должна быть какая-то загадка.

– Но если литературоведы не смогли её разгадать, чего же ждать от зрителей?

– Да им нужна сказка, а не история про кровавый сталинский режим!

– Боюсь, Булгаков перевернётся в гробу после этих слов, – видя, что возражений больше нет, Глеб подвёл предварительный итог: – Итак, сначала снимаем всё точно по сценарию, ну а затем ещё два варианта, с мундирами и робами. На стадии монтажа посмотрим, что из этого получится.

На следующий день, когда уже приступили к съёмкам, позвонил Дорогомилов:

– Глеб Васильевич, как же так? Мы же с вами договаривались, что никаких отступлений от замысла Булгакова.

Глеб попытался переубедить, но куда там – старик упёрся, как йоркширский бык:

– Всё это домыслы, а литературная общественность при-

держивается иного мнения. Да и поклонники Булгакова вас не поймут.

– Но если такова истина?

– Это ещё надо доказать, а у вас кроме сомнительных предположений блогера нет больше ничего. Хоть бы один намёк был в дневниках Булгакова. Так нет же!

– Даниил Аркадьевич, дорогой! Написать такое в дневнике – всё равно, что вынести самому себе смертный приговор! Вы что, забыли, какое тогда было время?

Старик долго сопел в трубку, а потом предложил компромиссное решение:

– Снимайте два варианта, а потом посмотрим, что у вас получится.

Глава 4. Соперники

Несчастье случилось во время съёмок сцены отравления. Актёр, исполнявший роль Азazelло, разлил по стаканам «фалернское вино» из заплесневелого кувшина, выпили, затем Мастер упал, успев крикнуть: «Отравитель!», а смертельно побледневшая Маргарита, беспомощно простирая к нему руки, уронила голову на стол. Всё точно так, как у Булгакова, разве что Мастер упал не навзничь, а на живот, чтобы лица не было видно. Глеб крикнул:

– Снято!

Тот, что играл Мастера, поднялся, отряхнул пыль с колен и отправился в гримёрку, видимо, для того чтобы выпить настоящего вина – съёмочный день подошёл к концу, так что «сухой закон» уже не действует. Но вот что странно – Алина по-прежнему сидела за столом в том же положении. Тут уж Нина Павловна не удержалась:

– Глеб Васильевич! Ну к чему такая спешка? Снимаем эпизод за эпизодом почти без перерывов. Надо бы побереечь актёров, к концу дня они совсем без сил. Смотри, Алиночка совсем умаялась.

– Да ничего страшного! – Глеб подошёл к Алине и взяв её под руку попытался приподнять: – Алина, не дури! Поедем домой, там отлежишься.

Но тело Алины не послушалось, наклонилось набок, но-

рова свалиться на пол...

Подбежал врач, вызвали «скорую» – хорошо, что на территории «Мосфильма», где проходили съёмки, всегда дежурит реанимобиль, мало ли что может случиться. Затем приехали какие-то люди из Следственного комитета... Глеб словно бы во сне, с трудом отвечал на их вопросы, а затем взмолился:

– Нет, я так больше не могу!

И вот он уже в клинике, у дверей палаты, ждёт, когда выйдет врач и озвучит «приговор». Мимо пробегают медсёстры, туда, сюда, в палату и обратно – они при деле, а Глеб не в состоянии ничем помочь. Алину здесь все знают и любят, поэтому кто-то выражает сочувствие, кто-то успокаивает, но никто не может сказать, выживет она или все старания напрасны.

Ожидание становилось невыносимым. Чтобы как-то отвлечься от тягостных мыслей, Глеб решил проанализировать то, что произошло на съёмках. Не исключено, что Алина и впрямь переутомилась, однако прежде ничего такого он за ней не замечал – ни обмороков, ни жалоб на здоровье.... А если отравили?! Вроде бы «вино» наливали из одного кувшина, но ведь крупицу яда могли заранее на дно её стакана положить. Кто это сделал и зачем? Конечно, завистников среди актёров предостаточно, но зависть может привести к убийству только в дешёвом детективе. Так в чём причина?

Вдруг в конце длинного коридора Глеб увидел еле разли-

чимый силуэт. Человек в пальто и шляпе, но лица не разглядеть. «Странно, сюда в верхней одежде не пускают». Но стоило Глебу подняться со скамьи, чтобы подойти поближе, как силуэт исчез – то ли человек зашёл в какую-то дверь, то ли теперь спускается по лестнице... «Ну не могу же я уподобиться Бездомному и преследовать незнакомца по всей Москве!» И тут только до него дошло: «Ведь Булгаков предупреждал, что вновь появится, если я сделаю ошибку. Но что не так и почему видение возникло не во время съёмок, а здесь, в этой клинике?»»

Вскоре вышел врач, сказал, что Алину отравили каким-то неизвестным ядом, но, к счастью, врачи вовремя провели необходимые процедуры, и самого худшего удалось избежать:

– Алина пока находится в медикаментозной коме, мы внимательно наблюдаем за её состоянием. Вам же советую пойти поспать. Ночь на дворе, сидя здесь вы ничем ей не можете...

Уже когда Глеб лежал в своей постели, находясь где-то на грани бодрствования и забытья, что-то помимо его воли заставило произнести слова:

– Ну и зачем ты это сделал?

Тут тёмное пятно в углу спальни приобрело более чёткие очертания – всё те же пальто и шляпа, и хорошо знакомое лицо. Но вместо ответа Глеб услышал вопрос:

– А ты не догадался?

– Да где уж мне... Однако ты не прав! Допустим, я совершил ошибку, но ведь наказана Алина, а не я. Благородные люди так не поступают.

Булгаков покачал головой:

– Я думал, ты умнее. Ну ладно, объясню, хотя если бы всё получилось так, как надо, можно было бы обойтись без объяснений.

– Как надо – это как?

– Я хотел, чтобы Алина была со мной?

– В загробном мире? Ты с ума сошёл!

– Глеб! Если б ты знал... Здесь так одиноко! Ты думаешь, это наслаждение – бродить по райскому саду и слушать пение заморских птиц? А вокруг одни и те же лица... С ума можно зайти!

– Но почему именно Алина? Да мало ли тут девиц, выбери любую!

Понятно, что такие слова в иной ситуации Глеб произнести не смог бы. Отправить на тот свет невинного человека – это намерение ничем невозможно оправдать. Однако Булгаков почему решился?

А тот лишь намекнул:

– Если бы ты дочитал книгу того блогера до конца, тогда бы понял.

– У меня нет времени на чтение, и без того съёмки затянулись.

Булгаков задумался – видимо, не хотел ворошить про-

шное. Но ведь иначе никак нельзя, придётся рассказать о том, в чём никогда и никому бы не признался, только в своих произведениях расставил тайные знаки, по большому счёту не надеясь, что кто-нибудь поймёт. И впрямь, только одному из многих это удалось.

– Ну ладно, расскажу. Дело в том, что в юности я был влюблён в очаровательную девицу, её звали Кира, однако мы расстались по настоянию её отца. Он – камергер при дворе Его Величества, а мой отец – всего лишь священник, богослов. Я долго тосковал, а потом женился на другой, и вот как-то случайно встретил Киру на Пречистенке. К этому времени она уже была замужем за князем, родила ему двух дочерей... – Булгаков вздохнул, видимо, не просто заново переживать то, что случилось много лет назад, но затем продолжил: – Муж Киры ушёл добровольцем на войну, ну и понятно, что у нас снова завертелось, закрутилось, теперь уже вполне всерьёз. А в декабре семнадцатого года снова приезжаю в Москву и узнаю, что Кира вместе с мужем покидает большевистскую Россию... Не знаю, как выжил, но до сих пор забыть Киру не могу.

– Миша, я как никто тебя понимаю! Но зачем же ломать мою жизнь? Зачем отбирать у меня Алину?

Булгаков снова задумался, пытаюсь подобрать нужные слова:

– В одном из писем Сталину я назвал себя мистическим писателем. Так оно и есть, я верю в предназначение судьбы, в

переселение душ... Ну как я мог не влюбиться в твою Алину, если она и Кира родились в один и тот же день, но с разницей в сто лет?

Это и впрямь что-то запредельное! Алина исполняет роль героини самого знаменитого из его романов, и вдруг такое совпадение.

– А ты не врешь?

– Другого послал бы куда подальше за такие слова, но тебе простительно. Если не веришь, поезжай в Париж, на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, там на могильной плите указаны даты рождения и смерти княгини Киры.

Тут вроде бы совсем некстати у Глеба в голове возникла мысль: не будь этой заумной идеи, когда в своём фильме фактически лишил Мастера лица, тогда, возможно, призрак и не возник бы в его воображении. Всё вполне логично, поскольку нельзя отвергать желание автора предстать перед публикой, пусть в чужом обличье. Вот он и нашёл альтернативный вариант, став действующим лицом драмы, которая развернулась вокруг съёмок фильма. Тогда-то Алина ему и приглянулась – в этом Глеб отчасти виноват. И вот теперь случилось неизбежное, поскольку за всё в жизни приходится платить – и за бесчестные поступки, и за минуты легкомыслия, и, как ни странно, за будущий успех, а в этом Глеб ничуть не сомневался.

Но что сделано, то сделано, надо искать выход из этой ситуации, однако Булгаков его опередил, предложив compro-

миссное решение:

– Ладно, Глеб, пусть Алина останется с тобой. Но разреши мне иногда вас навещать.

– Ночью?

– Других вариантов нет. Днём я превращаюсь в некий двумерный силуэт.

– И как ты себе представляешь эту встречу? Мы с Алиной лежим в постели, оба голые... Нет, я не согласен.

– Что ж, тогда я снова обращаюсь за помощью к Тофане.

«Вот оно в чём дело, ему помогают персонажи "закатного романа"! Но если он использует такие методы, тогда и мне придётся идти напролом»:

– Если ты ещё раз сделаешь то же самое, фильма не будет. Я его уничтожу, не сомневайся!

Похоже, Булгаков ничего подобного не ожидал:

– Ну зачем же так? Твой фильм почти готов, все эпизоды с участием Алины уже сняты. Ты не имеешь права уничтожить всё без моего согласия!

– В твоём романе сказано, что рукописи не горят, однако о фильмах нет ни слова.

А Булгаков снова о своём:

– Отдай мне Алину, я не могу без неё!

– И я!

Так ни о чём и не договорились.

Глава 5. Происки Тофаны

Когда наутро Глеб снова приехал в клинику, у дверей палаты, где лежала Алина, он обнаружил вооружённую охрану. Врач пояснил:

– Это сделано по распоряжению главы Следственного комитета. Видимо, он тоже поклонник её таланта, поэтому и такие строгости.

«Наивные люди! – подумал Глеб. – Для госпожи Тофаны двое с автоматами не могут быть преградой». Но чтобы заставить Булгакова изменить свои намерения, Глебу предстояло найти такой вариант, который устроил бы их обоих.

Тем временем начался новый этап работы над фильмом – с утра до ночи Глеб вместе с монтажёрами пытался реализовать свой замысел, облечь его в такую форму, которая стала бы доступна для понимания и простых зрителей, и тех, для кого эталоном искусства стали фильмы Антониони, Бергмана, Феллини... Всем невозможно угодить, но Глеб и не ставил перед собой подобной цели. Вот если бы удалось получить одобрительный отзыв от Булгакова, тогда злопыхатели и завистники ему будут не страшны.

Всё бы ничего, фильм понемногу приобретал те черты, которые вполне соответствовали содержанию и скрытому смыслу «закатного романа». Но вот однажды началось то, чего Глеб опасался, но гнал от себя такую мысль, надеясь,

что Булгаков на это не решится, – время от времени стал зависать компьютер, а иногда целые эпизоды куда-то пропадали, словно бы корова их слизала. К счастью, весь материал был продублирован и на флэшке, и в домашнем компьютере Глеба, однако, если так пойдёт, монтаж фильма затянется на годы.

Понятно, что без происков Тофаны тут не обошлось – если не удаётся отравить Алину, надо Глебу хоть в чём-то навредить, используя свои возможности. Тут тоже что-то вроде отравления, однако объектом воздействия «яда» стали файлы в памяти компьютера – судя по всему, «отравительница» получила доступ к современным технологиям. Но Булгаков скорее всего тут ни при чём и Тофана действует на свой страх и риск – так бывает в американских фильмах, когда киллер, получив предоплату, считает «делом чести» выполнить заказ. Но вот чего Тофана добивается? Даже если уничтожит весь фильм до последнего кадра, Глеб на уступки не пойдёт! И всё же, после долгих размышлений понял, что надо договариваться. Но прежде следует дождаться, когда Алина окончательно придёт в себя – пусть скажет своё слово, а то получается что-то вроде торга на невольничьем рынке. Неужели Булгаков этого не понимает?

Алине с каждым днём становилось лучше, но пока ещё слаба. Врач сказал, что обойдётся без последствий, но вот что странно – уже после того, как она вернулась домой, ей тоже стало кое-что мерещиться:

– Будто я хожу по сказочному саду, кругом невероятно красивые цветы, диковинные птицы сидят на ветвях деревьев. И вдруг слышу голос: «А не хотела бы остаться здесь?» Глеб, что это, галлюцинация?

«Ну вот, теперь началось и у неё! Воистину заколдованный роман – кто ни возьмётся ставить фильм по этому сюжету, то либо ничего не получается, либо видения возникают наяву...» К Владимиру Наумову среди ночи пришла давно умершая Елена Сергеевна – «воскресла» всего лишь для того, чтобы сказать, что Элему Климову не удастся снять фильм по «закатному роману». Эльдару Рязанову тоже не поезло» – тогда решение принималось на заседании Политбюро, а приговор озвучил заведомо культурный ЦК: «"Мастера" ставить не будем! Есть решение! Не будем!» Юрий Кара снимал фильм, когда уже не было ни ЦК КПСС, ни Политбюро – тем не менее, фильм надолго положили на полку. О фильме Владимира Бортко отдельный разговор, однако и у его ничего хорошего не получилось.

Казалось бы, мистика или чей-то произвол, однако на самом деле всё предельно ясно: если фильм не в полной мере соответствует замыслу Булгакова, его ожидает незавидная судьба – в бой вступают члены «шайки Воланда», на какое-то время перевоплотившиеся в партийных боссов и министров. Но с фильмом Глеба всё иначе – любовь выскочила, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и вот теперь она может погубить хороший фильм. Ну что поделаешь, если оба

влюблены в Алину?

«Сказать ей или нет?» В итоге решил о появлении призрака ничего не говорить, сославшись на мнение врача – тот объяснил, что действие яда на мозг Алины может затянуться на какое-то время. Это предположение подтвердилось – как-то среди ночи Алина вскочила с кровати, подбежала к открытому окну и забралась на подоконник. Несколько мгновений она стояла, раскинув руки, и, если бы Глеб её не удержал, страшно представить, что могло произойти!

Алина пыталась вырваться из его рук, норовила укусить – Глеб никогда её такой не видел. А она умоляет:

– Я должна лететь! Меня там ждут, пусти...

Пришлось всё ей объяснить, начиная с того момента на съёмках «бала у сатаны», когда Глеб увидел силуэт Булгакова... Сначала не поверила:

– Это невозможно!

– Тогда скажи мне, куда ты собралась лететь?

Алина удивлённо смотрит и спрашивает:

– Ты разве не читал роман? Там даже есть такая глава, называется «Полёт».

– Ну а ты-то здесь при чём?

– Так я и есть Маргарита!

«Час от часу не легче! Не хватало ещё, чтобы я Мастером себя вообразил... Если так пойдёт, то Нина Павловна превратится в Наташу, Несвятский в осёдланного борова, а Смольников обоснуется в «нехорошей квартире», разгро-

мив тамошний музей. Вот что бывает, когда пытаешься экранизировать заколдованный роман... Однако надо что-то делать, и самое лучшее – ни в чём Арине не перечить, со всем соглашаться, а затем идею, которую ей вбила в голову Тoffана или кто ещё, довести до полнейшего абсурда. Именно так поступил профессор Стравинский, выслушав откровения Бездомного...»

– Алина! Давай рассуждать логически. Возьмём это твоё желание лететь... Кстати, ты ещё не передумала?

– Нет!

– Тогда позволь тебе напомнить, что Маргарита обрела такую уникальную способность только благодаря чудодейственному крему, который дал ей Азazelло. И где же этот крем?

Алина оглянулась по сторонам, затем бросилась к туалетному столику, перебрала все тюбики и склянки и не найдя круглой золотой коробочки, воскликнула:

– Её здесь нет!

– А должна быть?

– Так ведь в романе сказано... Это было в Александровском саду. Азazelло подошёл ко мне...

– Всё верно! Маргарита получила крем, а полетела на следующий день. Но ты не была в Александровском саду, поскольку врач запретил выходить из дома.

Алина в растерянности:

– И что же теперь делать?

«Ну вот, вроде бы начался процесс выздоровления». К столь обнадеживающему выводу пришёл Глеб, а затем продолжил попытки вывести Алину из болезненного состояния:

– Припомни, тебе наверняка приснился сон, и кто-то стал внушать, что ты вовсе не Алина, а Маргарита.

– Ну да, какая-то женщина, лицо под чёрной вуалью... Ей невозможно было не поверить.

«Ну ясно же! Алина ещё находится под воздействием отравы, поэтому нетрудно манипулировать её сознанием. Похоже, госпожа Тофана насмотрелась наших детективов».

– Больше эта женщина ничего не говорила?

Алина трёт виски, пытаясь вспомнить:

– Что-то про неземное наслаждение...

«Ну да, сначала с три короба наобещают, а потом пустят по рукам! Конечно, Булгаков не такой, но здесь же всем рулит Тофана».

Глава 6. Ультиматум

После случая с несостоявшимся полётом Глеб понял, что уговорами Булгакова не проймёшь – пора переходить к решительным действиям, не стесняясь в выборе средств воздействия на несговорчивого конкурента. И вот при встрече с членами съёмочной группы он заявил, что надо доснять ещё несколько эпизодов, которые покажут личность Мастера не с самой лучшей стороны.

– Дело в том, что все страдания Мастера, то есть Булгакова, стали наказанием за прежние его грехи. Припомните, первая жена доставала ему морфий, спасла от тифа, а он привёл домой другую. Потом и её бросил, поскольку познакомился ещё с одной. В итоге разрушил счастливую семью, заставив Елену Шиловскую покинуть мужа и детей. Разве благородные люди так поступают?

Мужики восприняли эти слова спокойно, только покачивали головами, словно бы сомневаясь, стоило ли эту тему обсуждать. В конце концов, три жены – это чуть ли не традиция у великих: Алексей Толстой, Иван Бунин... Да всех не перечислишь! Некоторые популярные актёры имели по пять, а то и по семь жён, само собой, поочерёдно, поскольку гаремы в России теперь запрещены.

А вот дамы чуть ли не бились в истерику:

– Да как так можно?! Вы же ставите под сомнение мораль-

ные качества великого писателя.

– История этого вам не простит, поклонницы Булгакова возненавидят, да и нам достанется.

– Опомнитесь, пока не поздно!

Глеб слушал эти выкрики, не вникая в смысл, а сам поглядывал по сторонам, поверх голов, высматривая то, что непременно должно было появиться... А вот и он! Вдали, на фоне декорации всё с теми же колоннами из «Бала сатаны» возник знакомый силуэт. Что ж, цель достигнута, теперь следует всех успокоить, а то, не дай бог, дамы всё здесь разнесут:

– Ладно, я подумаю. Возможно, вы и правы.

Ночью эта тема получила продолжение. И вот сидят друг против друга, хотя в этой ситуации было бы издевательством над истиной говорить о дружбе. По сути, предстоит жестокая борьба двух претендентов на высокий пост, при этом каждый считает, что он прав, и не намерен отступать ни при каких условиях. Понятно, что силы не равны, поскольку за спиной Булгакова армия поклонников, ценителей его таланта, ну а Глеб вынужден использовать не вполне благопристойные приёмы. Так Булгаков и сказал:

– Никак не ожидал, что ты способен на такое! Вроде бы интеллигентный человек, а намерен шантажировать.

– Господь с тобой! Разве я ультиматум предъявил? Да не было этого! Всего лишь хочу приблизить образ Мастера к оригиналу. Ведь ты же писал его с себя?

Отрицать это бессмысленно, поэтому приходится взывать к совести соперника:

– Бьёшь ниже пояса... Глеб, это неприлично! Это недостойно звания прозаика, драматурга, режиссёра! Ну что из того, что я в жизни немало согрешил? Не надо мои сугубо личные проблемы вваливать на плечи Мастера, ему и без того несладко. Книгу не печатали, критики замордовали, потом попал в дурдом... Таких страданий и злейшему врагу не пожелаешь!

Тут уже Глеб вынужден признать, что Булгаков прав, так что надо изыскивать другие аргументы:

– Ладно, Михаил, допустим, что Мастер совершенно ни при чём. Однако и ты меня пойми! Могу ли я отпустить с тобой Алину, зная, что через несколько лет ты от неё уйдёшь. И что тогда?

– Это не так! – Булгаков вскочил со стула и, чтобы снять нервное возбуждение, стал расхаживать по комнате, не переставая говорить: – Я искал её всю жизнь и наконец нашёл, хотя и с опозданием. Так бывает и в реальной жизни, и в той, что нам только кажется реальной. Вот и с Еленой не расстался много лет, я же не виноват в том, что нас смерть-злодейка разлучила.

– Твои отношения с Еленой Сергеевной – это святое, я не намерен эту тему обсуждать. Но позволь напомнить, что ты клялся Татьяне, своей первой избраннице, в вечной любви, когда вас венчали в церкви.

– Это только традиция, обряд. Но сердцу не прикажешь...

– Вот и я о том. Придёт время, и Алине услышит от тебя то же самое.

– Ну а ты в себе уверен?

Оба надолго замолчали. Вроде бы аргументы все исчерпаны, но ни один из двух соперников не признаёт поражения. Осталось только позвать на помощь Алину в качестве арбитра, но прежде она не способна была проникнуть в ту параллельную реальность, где Глеб беседовал с Булгаковым. Может быть, сейчас, после того как Тофана её «отравила»?

Алина сладко спит. Вот повернулась на спину, и приоткрылась её обнажённая грудь... Ну разве возможен серьёзный разговор в этой ситуации?

– Михаил, давай сделаем так. Ты на полчаса исчезнешь, а я тем временем разбужу Алину, мы приведём себя в порядок, а потом вместе за столом, под хорошую закуску всё обсудим.

Судя по выражению лица, Булгакова этот вариант в принципе устраивал, но есть некая заковыка, которая препятствует его реализации:

– К сожалению, призраки не пьют спиртного, это нам запрещено. Только нектар, которые добывают из цветов.

– Но где же я его возьму? В наших супермаркетах вина навалом, видел даже какой-то крымский «Нектар»... Но это же совсем не то!

Булгаков огорчился, затем пожал плечами и было собрал-

ся вновь исчезнуть, однако что-то, видимо, неожиданно пришедшая в голову мысль, заставило его изменить своё намерение:

– Ну так и быть! Я сам доставлю кувшин с нектаром к вашему столу в качестве подарка, и немного фруктов из райского сада, – на губах Булгакова появилась улыбка, не зря же говорят, что надежда умирает последней. – Ладно, исчезаю, ну а вы готовьтесь.

У Глеба первая мысль: «А вдруг в нектаре яд? Но тогда все вместе окажемся в загробном мире, наверняка Михаила это не устроит. Ладно, будь, что будет!»

Глава 7. Чудодейственный напиток

– Ты что, совсем сдурел? Какие ещё гости?

Так Алина отреагировала на просьбу Глеба одеться и накрыть на стол. Пришлось объяснить, что приготовил для неё сюрприз, и это наконец подействовало. Ну какая женщина откажется от подарка, даже если придётся встать с постели среди ночи, сделать макияж и приготовить лёгкие закуски? Впрочем, часть этих забот Глеб, как водится, взял на себя.

И вот уже всё готово, а гостя нет – то ли заплутал в райских садах, собирая диковинные фрукты, то ли приготовление нектара занимает много времени. С момента пробуждения прошло полчаса, поэтому Алина не в состоянии сдерживать себя:

– Что за дурацкие шутки, Глеб? Если проголодался, мог бы обойтись и без меня, а не устраивать здесь представление. Даже в «закатном романе» такого не было, чтобы незваный гость являлся ночью.

– Ну как же не было? Вспомни содержание главы «Явление героя». Мастер стащил у Прасковьи Фёдоровны связку ключей от балконных решёток и получил возможность навещать своих соседей по дурдому. И вот как-то ночью зашёл к Бездомному...

Алина не сдаётся:

– В романе можно всё что угодно написать. Однако в ре-

альной жизни такого не бывает, по крайней мере, среди людей нашего круга, в приличном обществе.

Тут вдруг послышался звук открываемой двери и вот уже на пороге гостиной возник небольшого роста человек в лифре – так одевают обслуживающий персонал в дорогих отелях. В руках у него объёмистый баул, из которого один за другим появляются ананасы, папайя, манго и ещё много экзотических плодов, названия которых Глебу были неизвестны, – всё это посыльный положил на сервировочный столик, который приволок с собой. Наконец, достал два плотно закупоренных кувшина, а вслед за тем, не говоря ни слова, откланялся и был таков.

Глеб растерян, поскольку ничего подобного не ожидал, а вот Алина в полном восторге. Сразу побежала на кухню – нельзя же фрукты есть невымытыми. И только тут Глеб заметил, что в углу комнаты сгустилась тьма, и через несколько секунд перед ним возник Булгаков, на этот раз без пальто и шляпы – вместо этого брючная тройка, белая сорочка, галстук-бабочка, ну и конечно же монокль в глазу:

– Ну как? Надеюсь, я Алине угодил?

– Ещё бы! Впрочем, ты напрасно полагаешь, что путь к сердцу женщины лежит через её желудок.

Гость только развёл руками, а затем пояснил:

– К сожалению, золото и драгоценные камни у нас под запретом, небесная таможня сразу изымает. Так что чем богаты...

Когда Алина вошла, Глеб уже потягивал чудесный напиток, не скрывая наслаждения:

– Попробуй! Ничего подобного я никогда не пил даже в те времена, когда ещё в магазинах продавали настоящую «Хванчкару», а не нынешнее пойло.

Арина поставила на стол поднос с фруктами, налила себе в бокал нектара и выпила:

– Умеют же люди! Это вино из Франции или из Аргентины?

– Если я скажу, откуда, ты мне не поверишь.

– И не надо! – отмахнулась Алина, откусывая кусочек плода ярко-жёлтого цвета. – О, да это гораздо вкуснее манго! Как называется?

– Мангостин, – подсказал Булгаков.

Алина никак не отреагировала, и только тут Глеб сообразил: «Да ведь она его не видит и не слышит! Похоже, мне придётся исполнять роль переводчика, но плодотворного разговора всё равно не будет». Так бы и сидел, растерянно поглядывая на Булгакова и пережёвывая что-то похожее на сливу, однако Алина попросила открыть второй кувшин. Попробовали – оказалось, вкусно... Вот после этого всё и началось.

Сначала Глеб увидел, как из его спальни вышли Коровьев под ручкой с Геллой, а с ними Бегемот, державший в руке огромный свиной окорок, и все вместе отправились на кухню – видимо, для того чтобы приготовить себе пару-другую бу-

тербродов. Но стоило им покинуть комнату, как Алина вдруг воскликнула:

– Здравствуйте, Михаил Афанасьевич! Вы какими судьбами оказались здесь?

– Да вот Глеб Василич пригласил на посиделки, – отвечал Булгаков.

– Ах, как я рада! Без вас здесь скучно, надоела эта вечная толкотня в театре, киносьёмки с утра и до полуночи. Хочется отдохнуть, однако на Бали и на Сейшелах всё те же лица из московской тусовки, видеть их не могу!

– Алина, мы для того и собрались, чтобы найти решение этой проблемы. Я уже предлагал Глебу отличный вариант, и он вроде бы не возражает.

– И что же это? – спросила Алина, поднося к губам бокал с нектаром.

В этот момент в голове Глеба словно бы что-то стукнуло – он понял, что все эти видения с Бегемотом, Геллой и свиным окороком возникли в результате действия отравы, которая содержалась во втором кувшине:

– Не пей!

Одной рукой Глеб выбил из руки Алины бокал, расплескав отраву, а другой сбросил кувшин со стола. Осколки стекла разлетелись по полу, а желтоватая жидкость залила ковёр.

– Ты с ума сошёл! – вскричала Алина.

– Так оно и будет! Мы оба спятим, если будем пить отраву.

Была ли это случайная догадка или внутренний голос под-

сказал, но Глеб наполнил стоявший на столе пустой бокал нектаром из уцелевшего кувшина и заставил Алину выпить. Она отбивалась, царапала Глеба острыми ногтями, но процедура удалась, хотя половина этого напитка вылилась на платье...

И случилось чудо: Алина успокоилась, а потом растерянно глядя на Глеба спросила:

– Глеб! Что это было?

Вместо ответа Глеб тоже сделал несколько глотков из кувшина и посмотрел по сторонам. Нет ни Булгакова, ни членов «шайки Воланда» – это стало ясно после того, как Глеб сходил на кухню. Но как объяснить все эти превращения Алине, он и сам не знал, только сказал:

– Тебе приснился страшный сон. Иди-ка прими душ и ложись спать, а я всё здесь приберу. Утро вечера мудренее.

Алина была до того измотана случившимся, что подчинилась.

Глава 8. Прощены!

Всё это требовало объяснения, однако без помощи Булгакова никак не обойтись. Но вот вопрос: кем был на самом деле тот ночной гость и почему он так неожиданно исчез? Возможно, тут вмешалась Тофана, но как же Булгаков – почему это допустил? Впрочем, и сам Глеб чуть не скатился до шантажа, что по большому счёту совсем не удивительно – когда речь идёт о личном счастье, любые средства хороши. Глебу неприятно было признавать, что и Булгаков, и он способны на такое, однако роль Булгакова в этом деле ещё не совсем понятна.

Но вот уже прибрал в гостиной, до рассвета ещё час, можно и поспать. И тут опять знакомый голос:

– Прости! Я не хотел, чтобы всё так произошло.

Булгаков развалился на диване, всё тот же галстук-бабочка и монокль... Ну можно ли на такого рассердиться?

– Забудь! Ничего страшного не случилось.

– Ты понимаешь, Глеб, фея меня надоумила, сказала, что будете поговорчивее после этого вина.

– Так во втором кувшине был вовсе не нектар?

– Чтобы набрать его на два кувшина, нужно переработать целую плантацию цветов, поэтому первый кувшин взял из старых запасов, ну а второй фея мне подсунула. Феи у нас вместо психоаналитиков, спасают от депрессии.

– Разве бывает депрессия в раю?

– Ещё как бывает! Иногда до чёртиков всё надоедает, все эти райские сады, заботливые феи, готовые исполнить каждое желание...

– Так это они переправили тебя в реальный мир?

– Ну да! Однако это право надо заслужить каторжным трудом, пока ещё не расстался с жизнью. Да и то, не всякая фея возьмёт на себя ответственность.

– Выходит, тебе повезло, добрая попалась...

– Добрая-то добрая, но, если бы не поддался на её уговоры, можно было избежать скандала.

– Да я не в обиде.

– Ты вовремя среагировал. А как догадался?

– Видимо, тоже фея подсказала, – усмехнулся Глеб.

– Напрасно улыбаешься. Талантливому человеку всегда кто-нибудь благоволит. Если в реальной жизни не свезло, тогда уже в раю.

– Честно говоря, мне без разницы, что будет после смерти.

– Напрасно! У нас там тоже в некотором роде жизнь, совсем не то, что мучиться в аду на раскалённой сковородке. Если бы ещё Алина была рядом...

«Опять он за своё! Похоже, пора раз и навсегда закрыть наболевшую проблему»:

– Михаил, так что же с Алиной? Жребий будем бросать?

Булгаков даже лицом побагровел от злости:

– Как только тебе в голову могла прийти такая мысль?

– Шуток не понимаешь? – попытался оправдаться Глеб.

– Так нельзя шутить! Алина – человек, а не какой-нибудь бездушный предмет или, не дай бог, скаковая лошадь из тех, на которых делают ставки в тотализаторе. Ещё не хватало, чтобы таким способом решали, кто победит, – потом, немного успокоившись, посмотрел на Глеба уже не с укоризной, а сочувственно: – Судя по всему, отравы ещё не выветрилась из твоих мозгов.

– Да нет, я в полном порядке.

А Булгаков всё не отводил взгляда, словно бы пытался черепную коробку просветить насквозь и на этом основании сделать выводы:

– Вот не пойму, за что она полюбила такого недотёпу?

Подобным образом его никогда никто не обзывал, поэтому поначалу Глеб обиделся. Хотел было сказать: «сам такой!», но это может быть понято двояко – если оба одинаковые, тогда Алина и Булгакова вроде должна бы полюбить... Но в самом деле, за что? За то, что предложил ей роль в пьесе «После оттепели»? Так она и до этого не жаловалась на внимание столичной публики. Впрочем, «танец целомудрия» имел такой успех, что все другие её роли как бы потускнели, потеряли прежний блеск. Ну а воплотить в фильме образ Маргариты – об этом можно лишь мечтать, и только Глеб сделал эту мечту явью... Так что же тогда – переиначить монолог из трагедии Шекспира и дать такой ответ Булгакову: «она меня за роли полюбила»?

К счастью, Алина не слышит, о чём они тут говорят. А если бы услышала, ему несдобровать – послала бы куда подальше! Единственное, что Глеба извиняет, так это бессонная ночь в сочетании с остатками отравы. В такой ситуации лучше помолчать, предоставив Булгакову высказать свои предположения. Так оно и получилось:

– Ты знаешь, Глеб, в юности я нравился женщинам – симпатичный, остроумный, мог любую заговорить так, что готова тут же броситься на шею. По вот прошло время, и во мне стали ценить уже другие качества – к примеру, всех изумляло, как никому не известный автор смог написать пьесу «Дни Турбиных», кое-кто даже сравнивал меня с Шекспиром. А потом успех этой постановки во МХАТе стал как бы неотъемлемой частью моего существа, отодвинув на задний план внешнюю привлекательность и прочее, словно бы я ходячая театральная афиша. Примерно так и у тебя.

На это трудно возразить, поскольку Булгаков словно бы читает мысли Глеба. Но почему бы не попробовать?

– Я готов согласиться, что после публикации «закатного романа» вся прекрасная половина человечества могла бы оказаться у твоих ног, за исключением тех, что грамоты не знают. Этого не случилось по независящим от тебя причинам, и все же позволь мне усомниться в том, что даже такой замечательный роман может обеспечить человеку прижизненную славу.

– Ты хочешь сказать, что, будь роман опубликован не пол-

века назад, а сейчас, никто бы не обратил на него внимания?

– Дело даже не в том, что в нынешние времена книги мало кто читает. Но важна ещё и биография автора, ореол страдальца...

– Глеб, ты не прав! Главное в романе это ершалаимские главы, взаимоотношения власти и творца, писателя, интеллектуала... Ну а биография автора тут ни при чём.

И тут из глубины спальни раздался женский голос:

– Оба вы не правы. Главное – это любовь!

Вслед за тем в гостиную вошла Алина и предвидя недоумение двух спорщиков сразу пояснила:

– После того, что здесь случилось, я так и не смогла заснуть, поэтому всё слышала.

Слава богу, догадалась надеть халат, но вот что Глеба удивило:

– Так ты что, опять видишь Михаила?

– Видеть не вижу, только слышу, но этого вполне достаточно, чтобы вмешаться в спор.

«Логика, по сути, женская, потому что, если спорят двое мужиков, женщинам встречать категорически нельзя». Но вслух Глеб этого не сказал, предоставив слово гостю, а тот растерянно молчит, поскольку много чего тут наговорил – и про недотёпу, и про скаковую лошадь.

Вполне логично, что Арина продолжила свой монолог:

– Так вот, мои милые, что я вам скажу. Если бы родилась на сто лет раньше, нет сомнений, что влюбилась бы в тебя,

Михаил. Не стану объяснять почему, мне достаточно того, что ты был возлюбленным княгини Киры. Кстати, я видела её фотографию – красивая, с каким-то самобытным шармом, чем-то на меня похожа...

Глеб прервал её на полуслове:

– Постой, постой! Но Киру упоминал только Михаил в разговоре со мной... Ты и тогда всё слышала?

– Не всё! Поначалу мне показалось, что это сон, ну а на следующий день нашла в интернете книжку того блогера и прочитала.

– Ночь, когда тайное становится явным, – резюмировал Глеб.

Булгаков согласился:

– Лучше и не скажешь!

– В этом нет ничего удивительного, но вот что меня поражает, – Алина встала, что называется, руки в боки, глаза словно бы сверкают искрами, ну вылитая ведьма из «закатного романа». – Как двое взрослых мужиков могли за моей спиной судачить по поводу того, с кем я должна жить, кого любить?

– Извини, так получилось – промямлил Глеб.

– С тобой будет отдельный разговор, а сейчас я хочу спросить у Михаила... С какой стати ты вообразил, что я соглашусь отправиться в рай раньше уготованного мне срока?

Хорошо, что Алина не могла видеть его лица – Булгаков сначала густо покраснел, затем лицо покрыла мертвенная

бледность, и он еле слышно прошептал:

– Прости! – и больше ни полслова.

Самое время подвести итог, но Булгаков потерял дар речи, да и у Глеба язык не поворачивается. Пришлось роль распорядителя взять на себя Алине:

– Ладно, оба прощены! Но если ещё хоть раз нечто подобное услышу, пеняйте на себя!

Алина отправилась в спальню досыпать, а Глеб, не желая заканчивать свидание с Булгаковым на такой печальной, даже унижительной для обоих ноте, обратился к Булгакову:

– Кстати, у меня возник вопрос: члены шайки Воланда здесь тоже бродят по ночам?

– Это не шайка, а вполне приличные люди, просто исполняют заданные роли. Примерно так же, как в твоём фильме. Если понадобятся их услуги, я это устрою.

– Надеюсь, до такого не дойдёт.

– Кто знает... В общем, если нужна будет моя помощь, постучи серебряной ложкой по тому стеклянному кувшину, тогда я появлюсь.

Тут где-то вдали запели петухи и призрак Булгакова исчез, словно бы растворился в воздухе.

Глава 9. Возвращение Митяя

И вот уже завершён монтаж фильма, вроде бы можно праздновать... И тут Глеб получает по электронной почте письмо от Дорогомилова, в котором тот сообщает, что права инвестора уступил некоему Дмитрию Фёдоровичу Макееву. К письму приложен акт передачи прав и больше ничего, то есть никаких объяснений, почему всё это сделано. Впрочем, нетрудно догадаться, что продюсер постарался – он и раньше высказывал недовольство изменениями в сценарии, которые сделал Глеб, вот и доложил своему «начальству» о творимых безобразиях. Глеб не сразу понял, перед кем теперь держать ответ... «Так это же Митяй! Три года назад, после попытки похищения Алины о нём писали все московские газеты... Вот уж не было печали!»

Вскоре состоялась встреча с новоявленным инвестором. Митяй настаивал на изменении сценария, причём сделал это в весьма своеобразной форме:

– Ты, я вижу, до сих пор не врубился, что к чему. Вот приехал я в Москву, и туда же прибыл Воланд. Связь улавливаешь?

– Но Воланд был в Москве всего на три дня.

– Не важно, это мелочи, никто внимания не обратит, – Митяй не собирался спорить и перешёл прямо к делу, по сути, озвучил свой приказ: – Короче, «нехорошую кварти-

ру» превратишь в бандитскую «малину», а бал – в сходку пацанов под предводительством пахана, там обычно выносят приговор тем, кто крысятничал или стучал на нас ментам. Ну а потом, как водится, пьянка до утра, голые бабы и всё такое прочее...

«Господи! За что мне это?»

– А Мастера совсем убрать?

– Ну как же без него? На то и лох, чтобы его обчистили до нитки. На таких, как он, и держимся.

– Но что будет с Маргаритой?

– В последней сцене пусть скачет вместе с Воландом, и с ними вся братва.

– Куда?

– В Европу! У меня шикарная вилла недалеко от Барселоны...

«Есть ощущение, что сплю. А если так, то можно говорить всё, что думаю»:

– Нет, Митяй, я этого не стану делать.

Тот скорчил зверскую рожу:

– Для кого Митяй, а для тебя Дмитрий Фёдорович, глава холдинга «Самаритянин». И заруби себе на носу: мне нельзя перечить!

«Нет, на сон это не похоже. Тогда придётся как-то изворачиваться»:

– Но ведь многие сцены надо будет заново снимать, переделывать сценарий.

– Снимай то, что я велю, иначе пожалеешь, что на свет родился.

Что делать? Глеб позвонил Водопоеву, а тот в ответ:

– Извини! Митяю я не указ, так что сам выкручивайся.

«Вот такие теперь благодетели! Перепродали со всеми потрохами. Что я Алине скажу? Впору пожалеть о том, что в кино подался. Писал бы книги, тогда никакой Митяй не страшен... А тут хоть в прорубь, хоть с Крымского моста...»

Неудивительно, что Глеб напился. Ночью снова разговор с Булгаковым:

– Ну что, Глеб, понял, что к чему? А говорил, что у вас теперь совсем не так, как в наши времена.

– Ох, Миша, всё оказалось гораздо хуже, чем мог себе представить. Ведь даже в суд на Митяя не подашь, поскольку его требования не противоречат договору.

– Да, плохи твои дела! Даже и не знаю, что сказать, потому как у меня ничего такого не было, хотя... Был один издатель, рукопись у меня украл, а потом уехал за границу и там опубликовал.

– И что?

– Да ничего! Против жуликов мы с тобой бессильны. Разве что фельетон в газету написать... А толку-то?

На душе было и без того скверно, а тут ещё Булгаков наводит жуткую тоску. Всё, что остаётся в этом случае, так это раззявить рот и завопить во всю мочь: «Караул!!!»

Вдруг Булгаков голосом Алины спрашивает:

– Глебушка, что с тобой? Плохой сон приснился?

– Да куда уж хуже!

Когда Глеб открыл глаза, не увидел в спальне никого кроме Алины – видимо, и впрямь разговор с Булгаковым ему приснился. Но ведь всё остальное было наяву! Лучше бы наоборот, но не в его силах что-то изменить. Пришлось рассказать Алине, в какую яму угодил...

Алина выслушала на удивление спокойно, у Глеба даже возникло ощущение, будто ей на все его мучения наплевать.

Но вот взяла в руки свой смартфон, набрала какой-то номер:

– Женя! У нас тут форсмажор. Срочно приезжай и прихвати с собой Нину Павловну, Смольникова и Трембицкого... Да, именно сейчас, а завтра будет поздно.

И вот уже все собрались в гостиной – что-то вроде совета при свечах. Глеб подробно описал ситуацию, что да как, только о беседе с Водопоевым умолчал – забивать им голову рассказом об этом проходимце вовсе ни к чему... Помолчали несколько минут. Это и понятно, ничего подобного прежде не случалось. Лица грустные, в глазах ни проблеска надежды. Глеб не удивился бы, если б все встали и ушли.

Тут Нина Павловна, всхлипнув, произнесла те слова, которые, похоже, были у всех на языке:

– А ведь замечательный получился фильм! Жаль, если придётся положить на полку.

Смольников и Трембицкий поддержали:

– Лучше фильма по этому роману ещё не было.

Забродин высказался более определённо:

– Надо нам его спасти!

Но как? Все, не сговариваясь, посмотрели на Глеба. Что ж, придётся отвечать за то, что сотворил, на то он и владелец киностудии, и режиссёр.

– Ситуация у нас такая. Как вы знаете, права на фильм принадлежат моей фирме «Студия-ПУСК», однако в инвестиционном договоре вот что сказано, цитирую по памяти: инвестор вправе требовать внесения изменений в фильм с тем, чтобы обеспечить соответствие его содержания замыслу Булгакова.

– Позвольте! – вскричал Забродин. – Но тогда всё просто. У Булгакова нет и намёка на то, что Воланд это какой-то там пахан, уголовник, глава бандитской шайки...

Смольников его тут же перебил:

– Ты сначала это докажи!

– А и доказывать ничего не надо. В последней главе Коровьев превращается в тёмно-фиолетового рыцаря...

– Так ведь почти все нынешние генералы экономики вышли из криминального бизнеса, а то и что похуже. Вспомни, что творилось в девяностые! А теперь всё это уважаемые люди, только попробуй их в чём-то обвинить, мало не покажется.

– Ну, тогда не знаю.

Глава 10. Поиски в потёмках

Найти нужное решение нужно позарез, все это понимали. Но вот Смольников высказал сомнение, Забродин сдался, и теперь Глеб должен попытаться направить разговор, что называется, в позитивное русло:

– На самом деле, замысел – это такая штука, которую можно повернуть и так и сяк. Митяй предполагает одно, а мы совсем другое. Тут уж какой вариант больше публике понравится, тот и признают истинным.

– Нет, этого мы не можем допустить! – вознегодовал Трембицкий. – Я понимаю, если б тридцать лет назад... Тогда Митяевский вариант выдвинули бы на «Оскара», а сейчас...

– Сейчас всё то же самое, только декорации немного изменились.

Смольников хотел что-то сказать, но затем махнул рукой, не желая развивать эту тему.

– Так что же делать?

Трембицкий посмотрел на Глеба, это и понятно – последнее слово всегда за тем, с кого всё началось. Пришлось подвести промежуточный итог:

– Как ни крути, фильм для Митяя нужно сделать, не то затаскают по судам. Думаю, управимся за неделю, всего-то несколько сцен и крупных планов переснять.

– А я не согласна! – вскричала Алина. – Это наш фильм, и я никому не позволю превращать его в дерьмо на потребу уголовнику! – Алина словно бы опять превратилась в ведьму: глаза горят, пальцы сжались в кулаки, ещё чуть-чуть и бросится на Глеба.

В такой ситуации мозг начинает работать на пределе сил, и даже похмелье не помешает найти нужное решение:

– А что, если сделать так? Доснимем фильм по заказу Митяя... – и видя возмущение собравшихся в гостиной, Глеб ещё раз повторил: – Да-да, доснимем! Потом устроим для Митяя просмотр, после чего он подпишет акт о выполнении условий договора, или как там это называется... В общем, продюсер разберётся. Главное, чтобы юридических претензий не было.

– А как же мы? Как же наш, настоящий фильм? – не унималась Нина Павловна.

– Дальше я вот что предлагаю. Зарегистрируем в Роспатенте новое название фильма, а затем... Затем будем продвигать наш вариант фильма, но уже под новым названием.

Смольников тут же возразил:

– И как ты себе это представляешь? Два фильма на девяноста процентов совпадают... Да нас в плагиате обвинят!

– С чего бы это? Мы свои обязательства перед инвестором выполнили, с нас и взятки гладки... – заявил Трембицкий.

Похоже, он никого не убедил, а Глеб продолжал поиски оптимального решения:

– Тут всё зависит от того, чей фильм раньше выйдет на экраны. Если наш, тогда не будет никаких проблем. Спасибо Дорогомилову, он хоть и переуступил свои права инвестора Митяю, но оставил нам лазейку. Всё потому, что в инвестиционном договоре нет пункта, который бы исключал подобный вариант.

Как и во всякой мозговой атаке, тут требуется равномерное распределение сил между оптимистами, скептиками, оголтелыми критиками и ура-патриотами. В последнем случае речь идёт о тех, кто готов встать на защиту корпоративных интересов вопреки всему – логике, здравому смыслу и даже очевидности. Обязанности критика взял на себя Смольников, поэтому и сказал:

– Рискованно!

– Кто не рискует, то не пьёт шампанского! – заметил оптимист Трембицкий. – Впрочем, до этого ещё далеко.

Забродину досталась роль скептика:

– Я думаю, что нам не обойтись без поддержки влиятельных лиц, которые могли бы защитить нас от Митяя, ведь он нам этого не простит, когда узнает, что остался в дураках.

– Если учесть, что мы создали сатиру, то круг таких персон крайне ограничен, их число приближается к нулю, – констатировал Смольников, а в подтверждение своего вывода привёл пример из недавней истории: – В прежние времена, если фильм понравился генсеку, для него зелёная улица. А теперь продвигают только какую-то муру о величии княже-

ской Руси.

Все снова замолчали, словно бы забыв о том, что заданную роль нужно исполнять да самого конца спектакля. И тут случилось неожиданное – Нина Павловна, которой вроде бы досталась роль без слов, вдруг заявила:

– Я думаю, надо срочно заключить договор с прокатной фирмой, и тут не обойтись без нашей примы. Её обаяние станет тем ключиком, который нам откроет дверь сначала в кабинеты воротил кинопрокатной индустрии, а затем и на экраны кинотеатров России и Европы.

– Я готова! – Алина согласилась без раздумий.

Как водится, утопающий хватается даже за соломинку, поэтому идея всем понравилась, и только Смольников высказал сомнение:

– Допустим, у Алины всё получится. Ну и как будет называться фильм? Должно быть нечто весьма оригинальное, с глубоким смыслом и, в то же время, однозначно указывающее на первоисточник, то есть на «закатный роман». Вряд ли мы найдём подходящее название.

Понятно, что дело это сложное, вот и Булгаков несколько вариантов перебрал, но вынужден был выбрать самый простой, никак не раскрывающий ни содержание, ни скрытый смысл романа. Это его право, и в литературе часто так бывает, когда в названии произведения фигурирует имя одного из главных персонажей, а то и двух. В конце концов, читатель книги разберётся, что к чему, однако с фильмом всё

обстоит иначе – только выразительное, «убойное» название может обеспечить полную заполняемость кинотеатров, о чём и пекутся владельцы всех кинопрокатных фирм.

Опять все посмотрели на Глеба, со страхом ожидая его слов, но вопреки сгустившейся в комнате атмосфере ожидания неизбежного провала, на его губах вроде бы совсем некстати появилась загадочная улыбка:

– Есть у меня кое-что для вас. Помню, предлагал продюсеру, но тот упёрся, сказал, что не ручается за успех фильма с таким названием.

Смольников не удержался от иронии:

– Что-то вроде «Несчастной любви Мастера и страданий Маргариты»?

– Да нет, гораздо проще.

– Ну так скажи!

– «Воланд среди нас».

Несколько секунд тишины, а затем все захлопали в ладоши?

– Здорово!

– Это именно то, что надо.

– Публика валом повалит на этот фильм.

– А потом ещё будут бродить по улицам в поисках Воланда и Бегемота. Помните, как искали покемонов?

Только Смольников снова за своё:

– Название впечатляет, но я вот чего не понял. При чём тут «среди нас»?

Глеб пояснил:

– Да потому что всегда найдётся могущественный человек, который придёт и всё испортит. Поэтому Мастер и решил покинуть этот мир.

За окном занималась заря, но что готовит им день грядущий – этого никто не знал, даже Глеб, хотя задача его была предельно очевидна – уберечь Алину от непростительной ошибки.

Глава 11. Обольстить короля!

В качестве объекта обольщения выбрали короля российского кинопроката – главу фирмы-дистрибьютера «Семирамида». Гагик Амбарцумов был известен в кругах столичного бомонда как неисправимый донжуан, любитель красивых женщин. Однако произвести на него необходимое для задуманной операции впечатление было довольно трудно. На светских раутах он всегда появлялся либо с прима-балериной из Большого театра, либо с популярной киноактрисой, либо с топ-моделью, но это в самом крайнем случае, поскольку Гагик прежде всего заботился о своём имидже, а он по вполне понятной причине прирастает благодаря присутствию рядом с ним личности, которая входит в десятку светских львиц. Наиболее подходящий вариант – это киноактриса, рекламирующая в свободное от основной работы время какой-то бренд мирового уровня – от нарядов Dior до ювелирных украшений Cartier.

Алина вполне соответствовала этому требованию, поскольку после успеха спектакля по пьесе «После оттепели» стала сотрудничать со знаменитыми фирмами из Европы. Конечно, в офис Гагика в таком наряде не придёшь, однако Алине это ни к чему – достаточно привлечь его внимание на презентации какого-то нового фильма или на торжествах по случаю юбилея известного актёра.

С самого начала эта затея Глебу очень не понравилась, но все попытки найти альтернативу ни к чему не привели. Глеб смирился с неизбежным, но, пока разрабатывали тактику оболъщения, неустанно предупреждал Алину о том, чтобы не выходила за пределы допустимого – даже попытался запугать, угрожая непоправимыми последствиями:

– Чтобы никакого интима, иначе уничтожу весь отснятый материал.

Но Алина не воспринимала его предостережения всерьёз, только улыбалась:

– Хотя бы в щёчку можно его поцеловать?

– Это если всё получится, то есть после того, как заключит с нами договор.

– Слушаюсь и повинуюсь, мой принц!

– Почему же не король?

– На Его Величество ты пока не тянешь. С принцем я справляюсь, а теперь придётся оболъщать короля кинопроката. Эта задачка потруднее.

Наконец, долгожданная встреча состоялась, причём так, что Гагику и в голову не пришло, что ему расставили ловушку. Впрочем, как таковой ловушки не было, хотя с тех пор их видели вместе каждый день – мест для того, чтобы потусоваться, в столице предостаточно. Не удивительно, что вскоре по Москве поползли слухи, будто Алина изменяет Глебу с Гагиком – тут уж ничего не поделаешь, ради благородной цели приходится терпеть. Однако финал такого спектак-

ля неизбежен вне зависимости от того, что это – комедия, мелодрама или, не дай бог, трагедия.

Только на пятый день знакомства Алина завела разговор о фильме, причём упомянула его как бы между прочим:

– Ты понимаешь, снялась в кинокартине. Роль потрясающая, мечтала о такой всю жизнь, потому и актрисой стала, но увы... – тут для достоверности Алина сделала вид, что вот-вот заплачет.

Гагик не переносил вида женских слёз, поэтому поспешил выяснить, в чём дело:

– Кто тебя обидел, дорогая? Только скажи, он пожалеет, что на свет родился.

Алина успокоила:

– Да нет, никто меня не обижал. Просто позвонил сегодня режиссёр и сказал, что у киностудии возникли затруднения с прокатом...

Гагик не дал договорить:

– Господи, какие пустяки! Ты разве не знаешь, что меня в этом деле считают королём?

– Разве? Почему же ты раньше не сказал? Я и подумать не могла...

Тут Гагик сам чуть не заплакал, слёзы умиления подступили к его глазам. Ну а как иначе, если очаровательная актриса увлеклась им, даже не представляя, какими возможностями он обладает в сфере кинобизнеса. Ладно, эмоции можно оставить на потом, а теперь только о делах, надо же

помочь Алине:

– Так что за фильм?

Когда Алина рассказала, Гагик от расстройства чувств готов был зарыдать?

– Ай-ай-ай! Несчастье-то какое!

Теперь уже Алина приготовилась прийти на помощь:

– Да что случилось-то?

– Ай-ай, Алина дорогая! – Гагик покачивался в кресле, изображая невыносимые страдания, и только немного успокоившись объяснил, в чём дело: – Алиночка, поверь, ради тебя я готов на всё, даже договориться о премьерном показе фильма в Тибете и на Коморских островах. В мире полным-полно поклонников Булгакова, так что успех картине обеспечен, – тут он вздохнул и с сожалением развёл руками. – Всё это было бы вполне возможно, но вот беда, мне уже предложили фильм по этому роману. И вот ведём переговоры с фирмой некоего Макеева, надо сказать, что аппетиты у клиента запредельные, во всех отношениях крайне неприятный тип, словно бы пришёл из девяностых. Но бизнес есть бизнес...

– А ты не мог бы ему отказать?

Гагик замялся – судя по его виду, не хотел отвечать, а потом всё-таки решился:

– У Макеева крупный холдинг и, соответственно, есть средства на раскрутку фильма. А у вас маленькая фирма, и деньги на рекламу мне придётся доставать из своего карма-

на. В общем, партнёры меня не поймут, если отдам предпочтение вам.

Дальше можно было не пояснять, но Гагик, видя, что слёзы опять навернулись на глаза Алины, продолжил монолог:

– Поверь, если бы не Макеев, мамой клянусь, я взялся бы за организацию проката вашего фильма, даже несмотря на убытки и недополученную прибыль, – а затем подвёл неутешительный итог: – Вы, конечно, можете обратиться в другую фирму, но боюсь, что будет то же самое. Наверняка ваш конкурент и там подсуетился, если не дурак. Таковы уж нравы киноиндустрии.

Когда Алина, возвратившись домой, пересказала содержание разговора Глебу, тот сразу же ухватил самую суть:

– Пока Митяй в игре, нам ничего хорошего не светит. А это значит, что конкурента надо устранить.

Алина в ужасе:

– Ты что такое задумал, Глеб? Мы же не убийцы!

– Да нет, успокойся, я не то имел в виду. Нужно уничтожить фильм, тот, который мы Митяю передали.

– И как ты это сделаешь? Проникнешь в его дом, будешь пытаться, чтобы он отдал тебе флешку с фильмом и все копии? Нет, я не желаю иметь дело с уголовщиной!

Глеб и сам не хотел опускаться до подобных методов, но что делать, если других вариантов нет?

– Ладно, иди спать, а я ещё посижу, подумаю.

Так бы он и сидел до самого утра, всё более убеждаясь

в том, что дело совершенно безнадежное, если бы не одоле- ла жажда. Вышел на кухню, налил из чайника воды и когда уже подносил стакан ко рту, вспомнил про кувшин с нектаром. Впрочем, нектара уже не было, но зато остались в памяти слова Булгакова, мол, постучи серебряной ложкой по кувшину, и я тут же появлюсь. Но где же эту ложку взять?

Вся надежда на Алину – могла прихватить с собой столо- вое серебро, когда переезжала в его квартиру. Будить её не стал, поэтому перерыл все шкафы, надеясь, что повезёт, но всё впустую. Хотел было высунуть голову из окна и закри- чать: «Михаил, появись! Пропадаю без тебя», но тут Глеб вспомнил про коллекцию монет, которую получил по на- следству от отца. В общем, ничего особенного, но среди про- чего там были и полтинники из серебра, даже проба обозна- чена. В конце концов, серебро есть серебро, а форма роли не играет. Наконец, полтинники нашёл, выбрал тот, где изоб- ражён рабочий с молотом и наковальня, а затем осторожно стукнул монетой по стеклянному кувшину...

Как принято говорить в подобных случаях, результат пре- взошёл все ожидания. Вдруг задрожали стёкла в окне, да так, словно бы мимо проезжала танковая рота, а затем через рас- пахнувшуюся дверь в комнату вбежал Булгаков:

– Ну разве можно так? Хоть кол ему на голове теши, ни- чего не понимает! Я же ясно тебе сказал – ложечкой надо постучать по кувшину, а ты молотом по наковальне.

– Извини, Миша, ложечки я не нашёл.

– Надо было заранее озаботиться! – негодовал Булгаков, а затем, немного успокоившись, спросил: – Так что там у тебя?

После того, как Глеб изложил суть возникшей проблемы, возникла пауза. Булгаков закурил – видимо, понял, что простого решения нет, поэтому стал рассуждать вслух:

– С одной стороны, тебе повезло. Рукописи, как известно, не горят, а вот с цифровыми носителями можно справиться. Вопрос только в том, какие средства обеспечат нужный результат. Послать Бегемота с канистрой керосина, чтобы сжёг дотла загородный дом Митяя – это ещё не гарантирует успеха. То же касается и Азazelло, поскольку ему нужно точно указать цель, а мы, к сожалению, не знаем, где спрятана флешка с фильмом.

– Тогда тупик?

– Нет, есть ещё Гелла и Коровьев...

Только к утру разработали план операции и на этом распрощались.

Глава 12. Вампириша

Та ночь надолго запомнилась Митяю. Проснулся он потому, что раздался громкий стук в окно. Решил глянуть прежде, чем поднимать тревогу – может, дерево упало или какая-то ночная птица врезалась сослепу в стекло. Подошёл, смотрит – ничего подобного, а уж проникнуть в его жилище таким образом никак нельзя, разве что выстрелить в окно из гранатомёта. Успокоившись, снова лёг и тут почувствовал, что он в постели не один – словно бы чья-то холодная нога прижалась к его ляжке. Таких сюрпризов Митяй не то, что бы избегал, но предпочитал следовать неписаному правилу – если заказал девчонку, сначала должен рассмотреть со всех сторон, оценить её внешние достоинства, а уж потом...

Самое время достать пистолет, который перед сном всегда прятал под подушку, и после этого зажечь свет – тогда станет ясно, что к чему. Увы, любимого «глока» и в тумбочке не оказалось – неужели в другое место положил? Пришлось рискнуть, нажал на кнопку ночника, однако ничего не изменилось – холодное тело рядом и непроглядная тьма вокруг. Хотел позвать охрану, но изо рта не вырвалось ни звука. Только тут он не на шутку испугался, даже возникло подозрение, будто подкинули в его кровать чей-то труп, а потом поди докажи, что к убийству не имеешь никакого отношения.

Попробовал ощупать то, что лежало рядом с ним, и вдруг оно отозвалось писклявым голоском:

– Прекрати! Щекотно.

От сердца немного отлегло.

– Ты кто?

– Да какая тебе разница?

«Странный вопрос».

– Хотя имя назови, а то разговаривать как-то неудобно.

Ответа не пришлось долго ждать, но голос уже на полтона ниже:

– Можешь называть меня Геллой. Или Галей, если так удобнее.

«Ну и что ж, что Гелла? Это вовсе не значит, что придётся иметь дело с чертовщиной или с чем-то вроде этого. В конце концов, подражателей полно, каждый норовит погреться в лучах славы знаменитого писателя, вот и появлению Геллы не стоит удивляться». Так рассудил Митяй, поэтому спросил:

– И зачем ты здесь?

– У меня к тебе дело, скажем так, очень деликатное.

– Если деньги нужны, я сейчас достану, только свет включи.

И тот Митяй услышал слова, от которых душа словно бы ушла в пятки, причём сказано это было гнусавым голосом, почти что басом:

– А не боишься оказаться под одной простынёй с вампир-

шей?

«Что же такое получается? Неужели эта Гелла настоящая, та самая, с багровым шрамом от уха до подбородка?» Этих тварей Митяй боялся больше, чем братков из конкурирующей банды. Но то было в лихие девяностые, а сейчас вроде бы совсем другие времена. С трудом пришёл в себя:

– Что за шутки?! Я сейчас охрану позову...

– Вряд ли они очухаются до утра.

«Похоже, обложили основательно».

– Ладно, говори, что надо, и проваливай!

В этот момент Митяй услышал скрежет зубов где-то возле уха и ощутил прикосновение к своей шее там, где проходит сонная артерия. А затем Гелла прошептала:

– Нужна мне сущая малость, твой фильм. Если отдашь, кусать тебя не буду. А если нет, тогда уж извини...

«Час от часу не легче! И всё же надо разобраться»:

– Зачем такие крайности? Если хотите долю от проката, можно эту тему обсудить.

– Нет, этот вариант нас не устроит. Видишь ли, в чём дело, – тут Гелла прильнула губами к его уху. – Там, ну ты понимаешь, о ком я говорю, постановили, что фильм нужно уничтожить.

Митяю не столько денег жаль, которые отдал Дорогомилову за уступку прав на фильм, сколько обидно – ведь так всё могут отобрать, приняв какое-то постановление. Поэтому решил бороться до конца:

– Но почему именно этот не понравился? У нас полным-полным фильмов, которым место на помойке.

Митяй изворотлив, но и Гелла не проста – щёлкнула губами, словно бы изображая нетерпение, а затем объяснила, что к чему:

– Утилизацией халтуры пусть занимаются другие, а у нас конкретная задача. Изображения Воланда и Понтия Пилата не должны появиться на экранах.

– Но какой же фильм без них?

– Так ведь лицо Мастера догадались спрятать, вот и этих...

«Да уж, подвели меня киношники под монастырь! Кабы знал заранее, ни за что бы в эту тему не вписался. А всё Водопоев, убедил, что фильм наверняка получит "Оскара"».

– Но почему только на меня наехали. Копия фильма наверняка есть у режиссёра.

– До него тоже доберёмся. Каждого, кто попытается нарушить наш запрет, ожидает наказание, – и после паузы: – Сколько всего копий фильма у тебя?

– Только та, что на флешке. Она в сейфе.

– А если подумать... – намекнула Гелла, а затем чмокнула губами, от чего у Митяя мурашки побежали по спине.

– Ещё в ноутбуке.

– Что-то мне подсказывает, что здесь скоро случится нечто страшное...

– Только не это! – взмолился Митяй. – Чтоб мне воли не

видать, больше копий нет.

В спальне наконец зажёгся свет и Митяй поспешил отдать и флешку, и компьютер, при этом старался не смотреть на Геллу, а то, если потом приснится, нервного расстройства уже не миновать.

– И что теперь?

– Так ведь всё, как и положено в приличном обществе, – успокоила Гелла, а затем снизошла до пояснений: – После деловой части будут развлечения, что-то вроде танцев. Бегемот, твой выход!

Тут в комнату вбежал коротышка в армейском камуфляже – в одной руке он держал митяевский «глок», а в другой пистолет ТТ. И началась пальба...

Всё закончилось через несколько минут, после того как Фагот, стоявший на стрёме, прокричал:

– Менты!

Прибывший наряд полиции обнаружил в углу комнаты дрожащего от страха хозяина особняка, а ещё с полсотни стреляных гильз, два пистолета с пустыми магазинами и труп неизвестного в огромной луже крови. При осмотре у него были обнаружены документы на имя некоего барона Майгеля.

Следователь, который вёл дело, всё никак не мог понять, как барон, убитый много лет назад, причём не наяву, а в романе, мог перевоплотиться в доказательство преступления Митяя. Несколько лет собирали на этого бандюгу матери-

ал, да всё без толку, и вдруг – налицо готовый труп и прочие улики, теперь уж не отвертится. В общем, что ни есть, всё к лучшему. Возникла лишь одна проблема – в паспорте барона Майгеля был указан адрес «улица Серафимовича, дом № 2, квартира № 221», однако в списке жителей «Дома на набережной» барона не было. Что делать? В итоге долгих размышлений следователь написал в деле так: «Труп не опознан. Судя по подложному паспорту на имя барона Майгеля, неизвестный был поклонником творчества Булгакова». Прокурор, который тоже принадлежал к числу почитателей писателя, не усомнился в этой версии и без долгих проволочек подписал постановление о передаче дела на Митяя в суд.

Глава 13. Заколдованный

Снова ночь. На этот раз встретились у Патриаршего пруда – беседовали, сидя на той самой скамейке, где Берлиоз когда-то попытался спорить с Воландом.

– Ну что, Глеб, ты теперь доволен?

– Конечно! Если бы не Гелла, Коровьев и Бегемот, я бы с Митяем никогда не справился. А кстати, они-то как здесь оказались? И тогда, в моей квартире...

– Мне позволено привлекать к делу персонажей своих произведений, если возникла острая необходимость.

– Любопытно, у кого ещё есть такая привилегия?

– У Фёдора Достоевского и других великих классиков. К примеру, Мышкин, тот, что князь, тоже иногда сюда заходит. Не встречал?

– Да вроде нет. Хотя, если присмотреться... Такие люди у нас есть, совестливые, в чём-то наивные, до сих пор верят в справедливость. Удивляюсь, как только они уживаются в этом мире. Исчезающий вид!

– Не скажи! Такие люди были в меньшинстве всегда, но мир в значительной мере держится на них.

– Проблема в том, надолго ли этой поддержки хватит. К примеру, если бы не ты... Но ведь не сможешь каждому помочь.

– Есть и другие подвижники. Помимо Достоевского этим

делом занимаются Чехов, Платонов и Олеша. Просто ты их не замечаешь, но и они ведут крайне важную работу среди вас.

– Ну а что Есенин, Маяковский, Гоголь, они здесь появляются?

– Самоубийцам путь сюда заказан, они проходят по другому ведомству. А Николай Васильевич пока что не у дел, потому как до сих пор не удаётся избавить его от депрессии.

Если бы некоему прохожему удалось подслушать этот разговор, наверняка пришёл бы к выводу, что эти двое сбежали из психушки. Однако бульвар к ночи опустел, что как нельзя более способствовало не только беседе Глеба с призраком, но и продуктивному состоянию ума. «Допустим, я не сплю, и всё, что говорит мне он, соответствует действительности. Конечно же, не той, к которой я привык, а скрытой от наших глаз, в которой обитают Булгаков, Достоевский и прочие великие. Тогда сразу возникает вот какой вопрос: если у нас действуют некие законы природы, что-то должно быть и у них, однако вряд ли писатель способен разобраться в физике этих явлений. Совсем другое дело, если тот мир существует вопреки привычным нам законам, и только потому, что правят там волшебники и феи, тогда Булгаков сможет что-то объяснить». К такому выводу пришёл Глеб и попытался осторожно затронуть эту тему:

– Всё это смахивает на колдовство.

– Так оно и есть.

«Выходит, угадал! А если так, почему бы этим не воспользоваться?» У Глеба возникла странная, почти безумная идея:

– А нельзя ли мой фильм заколдовать?

– То есть? – удивился Булгаков.

– Ну чтобы не пришлось идти к кому-то на поклон, с прокатчиками и телевизионщиками договариваться.

– Для этого тебе нужен агент, а не колдун. Впрочем, все агенты жулики.

– Вот и я о том же.

«Похоже, он считает свою миссию выполненной, что вполне резонно. Помог с Митяем разобраться, да и то лишь потому, что не хотел допустить издевательства над содержанием его романа. Ну а всё остальное ему без разницы – выйдет фильм на наши экраны или нет, это мало что изменит». Глеб размышлял о том, чем дело может кончиться, ну а Булгаков не удержался от того, чтобы высказать претензию:

– Тебе не кажется, что слишком многого ты хочешь?

– Я только хочу довести дело до конца, однако сомневаюсь, что без твоей помощи будет нужный результат. Литература, кино – в этом я немного разбираюсь. А бизнес для меня нечто чуждое и непонятное, я не хочу этим заниматься. Дошло до того, что на переговоры с прокатчиками пришлось послать Алину. Надеялись на её чары, но Митяй нас тогда опередил, а теперь наверняка появятся новые препоны. Роспотребнадзору не понравится обилие обнажённых тел на

балу у сатаны, Госдума встанет на защиту чести и достоинства жертв сталинского террора, да и Минкульт найдёт, к чему придраться. И так будет до тех пор, пока мне не надоест вся эта тягомотина.

В ответ Булгаков выразил сочувствие:

– Ты выбрал трудную стезю, поэтому наберись терпения. Многие через это прошли, такова уж судьба незаурядной личности, – а затем пояснил: – Бизнес, политика и искусство – это несовместимые понятия, и никто не сможет примирить торговца, чиновника и творца, особенно в нынешних условиях. Между ними идёт жестокая борьба, поскольку чинуша действует по принципу «как бы чего не вышло», торгашу нужна лишь прибыль, а у художника, творца другая цель – просвещение сердца и ума.

– И что нам делать?

– Не знаю. Я попытался как-то воздействовать на людей с помощью сатиры, но, как видишь, толку никакого.

– Вот я и говорю – без колдовства не обойтись.

– Опять ты за своё! – Булгаков криво усмехнулся, покачал головой, а потом, вдруг посерьёзнев, объяснил: – Видишь ли, проблема в том, что у фей, у колдунов могут возникнуть свои соображения на этот счёт...

– Так ты поможешь?

– Ладно, я сегодня же кое с кем переговорю.

Если бы Глеб не был так увлечён своей полубезумной, но казавшейся ему спасительной идеей, он не пропустил бы ми-

мо ушей предостережение Булгакова. Но что поделаешь, уверил себя, что всё будет сделано, как надо, однако случилось то, чего он никак не ожидал.

Когда на следующее утро Глеб включил свой ноутбук, он обнаружил, что все файлы, относящиеся к фильму, уничтожены. То же самое произошло и с копиями на флешках. «Какой ужасный финал! Ведь столько сил истрачено, и всё оказалось зря! Выходит, этот фильм кому-то очень не понравился там, на воображаемом Олимпе. Но что конкретно в нём не так? Одно дело тот вариант, что сделан по заказу Митяя, а наш – совсем другое! Неужели по ошибке оба уничтожили?» И вдруг услышал голос:

– Пойми, несчастный! Писатель написал роман, и он не нуждается в экранизации. Пусть каждый воспринимает его содержание по-своему. Для одних – это сатира на общество, для других – история о любви, а третьим интересна только тема взаимоотношений личности и власти. Вот кто-то нашёл скрытый смысл в романе, честь ему и хвала, однако нельзя лишать читателей удовольствия, пусть сами попытаются эту тайну разгадать.

Глеб хотел было возразить, но его уже никто не слушал...

Алина отнеслась к этой новости удивительно спокойно:

– Куплю себе кота, а лучше сразу двух. И всё, забуду! Будто ничего и не было.

А ещё через день крупнейшее издательство России обратилось к Глебу с предложением издать собрание его сочине-

ний. Есть справедливость на Земле! Хотелось бы верить, что обошлось без вмешательства неких высших сил вроде фей и колдунов. Ну а фильм, что ж... Не свезло!